

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ
ТЪМА ВЕКА СЕГО
Книга 2

Москва, 2020

УДК 82-312.9

ББК 84.4

Попова Н.

Тьма века сего. Книга 2 / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 304 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-03024-5

Германия, 1415 A.D. В Констанце в самом разгаре XVI Вселенский собор: европейские правители и духовенство впервые смогли объединиться для решения проблемы Папского раскола. Все внимание приковано к эпохальному событию, каждый день балансирующему на грани срыва, все силы Конгрегации и Империи сосредоточены на том, чтобы довести дело до конца. Однако ежедневной службы никто не отменял, и инквизитору первого ранга Курту Гессе предстоит разобраться, что же вот уже целый год творится в лесах вокруг далекого Богом забытого городка.

BIC FM

BISAC FIC009000

© Надежда Попова, текст, 2020

© Анастасия Белецкая, обложка, 2020

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020

© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-517-03024-5

ГЛАВА I

Германия, апрель, 1415 а.Д..

Чужаки в деревне заметны всегда и сразу. Чужаки и не приходят в деревню просто так. Путник скорее обойдет незнакомое селение, а внутрь войдет лишь с просьбой — о ночлеге или пище, или спросить дорогу, если заплутал. Несколько путников — уже событие, и эти уж точно не приходят без цели, особенно если путники эти не обыватели, а воины или торговцы, или бродячие монахи — о таких один из смотрящих за стадом мальчишек прибежит рассказать заранее.

В этот раз никто не прибежал, и чужаки появились внезапно. Потом мальчишки скажут, что никого не видели, мимо них никто не проходил, и стадо не затревожилось, заметив чужаков, а стало быть — никого оно и не заметило, ведь никто не проходил... И все же появились они именно оттуда, где были мальчишки и стадо, и река — с северной стороны. Восемь монахов в старых обветшалых хабитах, изможденные и похожие на восставшие мощи, босые, без дорожных мешков или хотя бы одной тощей сумы на всех.

Они вошли в деревню и двинулись по единственной утоптанной улице насквозь, не останавливаясь, не озираясь, ни на кого не обращая внимания, не говоря ни слова. Они словно и не видели ни домов, ни людей, словно шли не через людское селение, а по пустынному полю или лесной тропе, словно и не было здесь ничего и никого, кроме них и пыльной дороги под их костлявыми ногами. Они шли — в безмолвии, как призраки.

Они шли, и деревня затихала. Потом люди расскажут, что сами не знают, как так вышло и почему. Расскажут те, кто видел восьмерых монахов, и те, кто не знал о бредущих через деревню чужаках, кто был об эту пору в доме или на птичьем дворе, или в кухне у очага, или в дровянике. Расскажут, как точно бы озарение снизошло на их разум и душу. Расскажут, как осмыслили внезапно: грех пред лицом Бога есть мерзость, и Господь отверщается от всякого, творящего грех. Как уразумели вдруг, сколь лице-

мерны были и вера их, и молитвы, и покаяние. Как неожиданно в умы и сердца явилась мысль, что невыразимо грешна их жизнь была от младенчества и до сих лет, и самый тяжкий грех — самоуспокоение, страшная ложь пред Богом и самими собою, утешительные мысли о том, что не поднималась их рука для убийства или кражи, а стало быть, и нечего страшиться, и стыдиться почитай что нечего. Расскажут, как вдруг словно въяве увидели грехи свои, каковые не замечали прежде или забывали, или старались забыть, или раз за разом каялись в них, но вновь и вновь повторяли. Расскажут, как начала метаться и рыдать душа, в единое время и озаренная светом Господней благодати, готовая простить всё любому страшнейшему грешнику, и омраченная этим внезапным осмыслением совершенных грехов, прегрешений и нечестивых помыслов. Расскажут, как молчаливые монахи ушли и исчезли, а покаянное озарение осталось и долго еще пребывало в душе, не час, не два, не день...

И то же, почти слово в слово, расскажут в другой деревне, а после и в третьей, и пятой, и еще в нескольких, и в двух небольших городках. Расскажут, что спустя дни внезапное это осенение отошло, но всё ж осталось в душе чувство пустоты и горечи. Расскажут, что, быть может, парочка дел, совершенных на благо неприятного соседа или вовсе незнакомца, или доброе слово, сказанное без выгоды, или молитва ненадолго скрывают пустоту и умаляют горечь. Расскажут, самим себе изумляясь и смущаясь. И кто-то скажет, что милосерден Господь, не позволяющий святым Своим зримо и неизменно быть среди простых смертных и смущать их слабые души...

* * *

Первый день мая выдался приятно прохладным. Солнце не ушло, но уже не жарило так по-летнему и по временам прикрывалось облаками, невесомыми, как пушинки, давая прозрачную легкую тень. Ко второму дню пути Мартин уже не щурился раздраженно и не закрывал болезненно глаза, когда небесное светило нехотя выбиралось из облачного кружева, и даже, бывало, первым заводил разговор, а не только односложно отвечал на вопросы.

Грегора все же, к глубочайшему разочарованию несостоявшегося философа, было решено оставить в Грайерце. Как верно заметил Мартин, толку с парня в этой поездке все равно не будет, и если уж на что и рассчитывать, так это на умения его отца, уже однажды доказавшие свою полезность. Однако втянуть камневеда в дело второй раз уже самоочевидно не вышло бы, да и Косса всё же не одаренная любительница жвачных, и Курт сильно сомневался, что Харт хотя бы просто продержится дольше минуты, не говоря уж о каком-то значимом вкладе в победу. Посему пользу оставалось извлекать ту, что была доступна: пытаться закинуть удочку к нейтралам через Харта-старшего и просто держать хоть какое-то время в зоне своего влияния младшего. Философу была вручена бумага с краткой характеристикой и рекомендациями, а на словах отдано распоряжение непременно сообщить конгрегатским служителям, что майстер Гессе велел обратить на новое приобретение внимание отца Альберта...

— Заметили, — тихо произнес Мартин, на мгновение приподнявшись в стременах, и снова уселся. — Скоро встретят.

Курт не ответил, лишь молча кивнув; всё, что касалось встречи с *отрядом сопровождения*, и без того было обсуждено не раз, да и без обсуждений обоим было хорошо известно, что ждет впереди. Уточнять, не ошибся ли Мартин, определив мелькнувшую вдалеке мелкую кляксу как дозорного, он тоже не стал.

Вскоре вдали снова возникли размытые темные точки; точки росли, приближались, превращаясь в крошечные пятнышки, потом в пятна побольше, еще больше, еще, потом в неясные очертания, потом сложились в фигуры всадников... Фигуры становились всё ближе, и их уже можно было сосчитать — шестеро, и уже можно было узнать кого-то из них, и увидеть, что оружие наготове...

Мартин придержал коня, прыгнул наземь, сделал три шага вперед и встал посреди неширокой дороги. Курт остановился тоже; подумав, неторопливо спешился и остался стоять, где был, держа обоих коней под уздцы.

— Только не лезь, — тихо бросил стриг, не оборачиваясь. — Я сам.

— Да уж не маленький, разберешься, — отозвался Курт сдержанно, и тот коротко кивнул, сделав еще два шага вперед.

Пятеро из шести всадников спешили и двинулись навстречу с арбалетами наизготовку, шестой так и сидел в седле, однако на месте не остался — пустил лошадь медленным шагом вслед за пятеркой бойцов. Этого сухого, как хворост, сморщенного старика еще издалека признал даже Курт, а уж Мартин-то наверняка еще раньше смог оценить, с каким почетом их встречают на подходе к Констанцу...

— Майстер Бекер, оставайтесь на месте, — предостерегающе произнес один из зондеров, хотя тот по-прежнему стоял недвижимо; приблизившись на расстояние пяти шагов, бойцы замерли, держа на прицеле обоих путников, и все тот же зондер добавил: — Думаю, не надо объяснять, что ничего личного.

— Конечно, Штакельберг, — отозвался Мартин подчеркнуто безмятежно, приподняв руки и развернув их открытыми ладонями к собеседнику. — Если память мне не изменяет, ничего личного у вас ко мне и быть не может.

Зондер кивнул. На лице вышколенного детища Хауэра не проступило ни тени эмоции, но не заметить, что все пятеро в некотором смятении, не мог даже Курт.

— Вы без оружия, где оно?

— У него, — Мартин кивнул назад, и Штакельберг нахмурился:

— Почему?

— Я всё ж не первый день в Конгрегации, — голос стрига улыбнулся. — Предписания на подобные случаи известны. Так к чему отнимать у всех нас время.

По тени, мелькнувшей на невозмутимом лице зондера, было видно, что он едва сдерживается, чтобы не поинтересоваться, много ли «подобных случаев» известно майстеру Бекеру и почему никаких предписаний не известно ему самому...

— Стойте на месте, — повторил он ровно и отступил в сторону; Мартин молча кивнул.

Старик за спиной Штакельберга медленно сполз с седла на землю, помешкал, глядя отчего-то не на стрига перед собою, а на Курта, и так же неспешно двинулся вперед, мимо пятерки зондеров. Никто не шелохнулся, не произнес ни слова, пока старик не приблизился, остановившись в шаге от Мартина. Теперь он заго-

раживал стрига целиком, однако зондеры остались, как были — с принятым наизготовку оружием.

Несколько мгновений старик стоял неподвижно, молча, чуть прикрыв глаза, а потом вздохнул:

— Наклонись, что ли, сын мой, в мои годы этак тянуться тяжело.

Мартин помедлил и молча, неторопливо опустил на колени, продолжая держать руки чуть в стороны, по-прежнему открытыми ладонями к бойцам зондергруппы. Старик глубоко вдохнул, выдохнул и опустил ладонь на склоненную перед ним голову, снова прикрыв глаза и замерев недвижимо. В тишине протянулся десяток мгновений, другой, миновала минута, потекла вторая... В лица зондеров Курт не вглядывался, дабы не раздражать лишний раз и без того напряженных бойцов, но видел, что с каждой секундой им все более неуютно и неловко. Pro minimum трое из них — это Курт знал доподлинно — побывали с инквизитором Бекером в совместных схватках дважды и, насколько ему было известно, чувства к вышестоящему сослужителю питали самые теплые. Мысль, что им, возможно, вот-вот придется расстрелять его в упор, зондерам явно была не по душе...

— Ох, — снова вздохнул старик, убрав руки, и Мартин поднял голову, молча глядя на него снизу вверх. — Чую, что знал, на что пошел. Но к чему?

— Мир, отец Альберт, — отозвался Мартин негромко. — Он слишком большой. Путей слишком много, а меня слишком мало.

— А совладаешь ли?

— Должен. Значит, смогу.

— Ох, — повторил старик сострадающе и обнял стоящего на коленях стрига, прижав его голову к себе. — Prosperet Deus¹...

Наверное, обладай Курт той способностью ощущать чужие души, каковою владела Альта, сейчас его захлестнуло бы волной облегчения, изошедшей от зондеров, опустивших оружие. Впрочем, и без сверхнатуральных умений можно было догадаться, чего им стоили эти несколько минут.

— Ощущаешь себя недурно, как я гляжу, — уже серьезно и деловито сказал отец Альберт, поднимая Мартина на ноги. — Так

¹ Дай Бог (лат.).

и езжайте далее, как ехали. Но не в Констанц, там вам делать нечего.

— Почему? — решился, наконец, подать голос Курт, старик качнул головой:

— Не стану говорить. Вот доедем с вами до развилки, я и сии brave воины — в Констанц, а вы с одним из них — в лагерь, где обосновался Его Высочество, и Антонио там же. Он вам все и поведает.

— Вы видели наш отчет, отец Альберт? — спросил Мартин нетерпеливо. — Читали его?

— Да, тщательнейшим образом изучил. Все учел. Не тревожься.

— Точно не стоит тревожиться? Мне все же кажется, что наши предположения...

— Коли я начну говорить обо всем, что творится и еще будет сотворено, — мягко оборвал его старик, — мы на этой дороге останемся до Второго Пришествия. Много мы продумали, получивши ваше послание, и есть что сказать вам, но все это в два слова не уложить. Посему — езжайте.

Курт хотел было заметить, что по пути к не видимой отсюда, а стало быть, далекой развилке можно было бы рассказать о ситуации куда более, чем двумя словами, однако спорить не стал. Говорить отец Альберт явно не желал — не то информация была столь тайной, что член Совета Конгрегации опасался оглашать ее даже в присутствии зондеров, не то время пути желал потратить не на разговоры, а на раздумья.

До самой развилки их маленький отряд так и доехал в молчании. Распрощался отец Альберт немногословно, но с такой внезапной и непривычной теплотой, что Курт еще долго не мог избавиться от ощущения, что прощался член Совета в последний раз. Мартин явно ощутил нечто схожее — на старика в сопровождении четверки зондеров он еще не раз обернулся, и до самого лагеря лицо стрига оставалось пасмурным и задумчивым.

Лагерь встретил путников настороженно. Трижды попавшиеся на подступах патрули были дотошны и придирчивы, в стане царила явственно видимая собранность и сосредоточенность, замешанные на тихо тлеющем азарте. Лагерь Фридриха напоминал огромного боевого жеребца, чующего близкую битву; жеребца

вышколенного и оттого стоящего смирно в ожидании должного часа, но готового и жаждущего сорваться с места в любой миг.

— Что бы здесь ни происходило, мы вовремя... — пробормотал Мартин, и сопровождающий их Штакельберг тихо пояснил:

— Завтра особенно важное заседание Собора, Его Высочество и Совет ожидают любых последствий. Это не тайна, — уточнил он, когда оба инквизитора обернулись к нему с удивлением. — Известно всем, хотя громко о том не говорили. Даже горожане затаились, как при осаде... Бог знает, как это до них дошло.

— Тогда почему основные силы здесь, а не под самым Констанцем, почему Висконти не в городе? — спросил Курт, и зондер пожал плечами:

— Не могу знать. Надо будет — скажут. А вам, думаю, скажут прямо сейчас, — добавил он, когда впереди показался внушительный легко узнаваемый шатер с опущенным пологом.

Курт придержал шаг коня, замедлившись, потом и вовсе спешился, и Мартин с зондером последовали его примеру.

Почти все свободное место у входа в шатер было занято людьми, очевидным образом поглощенными одним-единственным делом — ожиданием, и так же очевидно было, кого именно здесь ждали. Фридрих, сидящий у самого входа, увидел гостей первым и поднялся, сделав один порывистый, нетерпеливый шаг навстречу, а следом за ним шагнули двое — Макс Хагнер и неизменный Йегер, похожий на молчаливую серую тень. Висконти поднялся тоже, но остался на месте, пристально оглядывая Мартина. Взгляд кардинала задержался на оружии, которое Курт возвратил владельцу после проверки отца Альберта, на идущем шаг в шаг со стригом Штакельберге, и не заметить облегчения, проступившего на его лице, нельзя было даже отсюда, с расстояния в дюжину шагов.

Зондер поднял руку, молча кивнув, и стоящая за спиной Висконти Альта в сером одеянии сестер-целительниц бросилась вперед, весьма неучтиво оттолкнув с дороги замешкавшегося кардинала. На Мартина она налетела сходу, обхватив за шею и едва не повиснув, ткнулась лицом в его плечо и замерла, не говоря ни слова.

— Ну... — неловко пробормотал тот, — ладно тебе. Я же в порядке...

Альта рывком отстранилась, глядя ему в глаза, и на ее лице отобразилась такая буря чувств, что Мартин болезненно поморщился, точно получив тычок под дых.

— Ты в порядке? — переспросила она недобро и повторила свирепым громким шепотом: — Ты в порядке?! Ты стриг, ау! Это порядок, по-твоему?!

— Да.

От того, как внезапно спокойно прозвучал ответ, Альта запнулась, несколько мгновений все так же пристально глядя брату в глаза, и, глубоко переведя дыхание, отступила еще на шаг назад.

— Что ж тебя вечно тянет в неприятности... — тоскливо вздохнула она, и Мартин с усилием улыбнулся:

— Как сказал один неглупый парень, если не жить интересно — зачем вообще жить.

— Умников развелось... — устало отмахнулась она и лишь теперь обернулась к Курту, тихо уточнив: — Мы все правильно поняли, Александер... да?

— Никто из нас не знал, что так получится, — отозвался он сдержанно. — Ни Мартин, ни я, ни сам он.

— Если б я хотя бы мог предположить... — начал стриг, и Альта со вздохом махнула рукой, оборвав:

— Нет, не сожалею. Мы все понимаем, что он был рад от этого избавиться. Это *мы* не рады и *нам* плохо, а ему сейчас наконец-то хорошо.

— Гессе, Бекер.

Висконти, все так же стоящий у шатра, коротким кивком указал на вход и, не дожидаясь ответа, откинул полог в сторону и вошел внутрь. Наследник бросил взгляд вослед папскому нунцию, но остался стоять, где был.

— Бить будет? — серьезно спросил Курт, и Альта вздохнула:

— Не исключено. У нас сегодня весело.

— Я привяжу ваших коней, — подал голос Штакельберг. — Идите.

Курт молча кивнул, передав ему поводья, и вместе с Мартином двинулся к шатру.